

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

О военной стратегии в революционной войне

Военные примечания к так называемой «теории
революции»

Йорг Финкенбергер

2021

Йорг Финкенбергер

О военной стратегии в революционной войне
Военные примечания к так называемой «теории
революции»
2021

Скопировано 16.12.2023 с

<https://liberadio.noblogs.org/?p=2628>

Перевод с немецкого. Источник:

<https://dasgrossethier.noblogs.org/2021/12/militaerisches-zur-sogenannten-revolutionstheorie/>

ru.anarchistlibraries.net

Так же как не существует теории общества, нет и теории революции. «Даже если бы социология была наукой, то понятие революции осталось бы для неё недоступной» (Г. Ландауэр, «Революция», 1907); все теории общества были опровергнуты, самое позднее, революциями. Революционная теория общества и даже «теория революции» является чем-то невозможным, и как будто была специально придумана ради необходимого осознания этого факта. Общество, однако, можно понять, только исходя от революции; но пытаться обзавестись теорией революции именно поэтому является праздным занятием.

Когда и почему происходят революции? Кто делает, если угодно так выразиться, революции? И что определяет их исход, т.е. какая партия в конце одерживает победу и почему? Если на эти вопросы нельзя дать хотя бы общие ответы, то ничего не выйдет и из «теории революции». Для

этого было бы необходимо знать, из каких компонентов, так сказать, состоит общество и в каком отношении они находятся по отношению друг к другу, и по каким причинам они готовы терпеть или не терпеть какие условия, т.е. на что они готовы пойти, чтобы эти условия изменить. Но как это можно знать, если они и сами этого не знают?

Но что можно знать — это то, что ни одна революция до сих пор не устранила самого этого обстоятельства. Ведь и в самом деле, победу всегда одерживала какая-либо партия. Ни одна революция ещё не привела к такому результату, который больше не нуждался бы в революции, а был бы в состоянии самостоятельно и свободно изменять свои внутренние отношения; т.е. к обществу, члены которого понимали бы эти отношения. Как из революции может родиться общество, которое мы, краткости ради, назовём тут бесклассовым и безгосударственным? Т.е. как общество во время революции может защититься от власти тех или иных революционных организаций, стремящихся установить собственный режим — разумеется, от имени революции?

В этот крайний переломный момент судьба общества решается посредством насилия. Но насилие является не внешним фактором по отношению к обществу, а само обладает общественными формами и предпосылками. Эту роль оно играет только потому, что общественные отношения не обладают внутренней правдой и сознанием; потому, что они сами поддерживают своё существование только благодаря насилию. Рассмотрим же общий вопрос общества, исходя из насилия, и наоборот — вопрос насилия, исходя из проблематики «прозрачно-рациональных» общественных отношений.

2.

«Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, которая до 1848 г. повсюду в конечном счёте решала

му будет нуждаться в оборонной организации, которая займёт беспокойных молодых мужчин, накрепко распределит насилие между гражданской обороной и защитой от катастроф и больше не выпустит из рук; либо оно не сможет устоять.

Возможность при помощи насилия одержать верх существует лишь для режима или тех организаций, которые можно назвать претендентами на новый режим. Для революции самое большее, чего она может добиться военными средствами — это оборона, т.е. изматывание и рассеяние контрреволюционного насилия. Да и это лишь в том случае, если она создаст настоящее сообщество; такое, которое в состоянии воспользоваться возможной победой, но это уже не вопрос войны. Это может быть только обществом, чьи учреждения прозрачны, т.е. «прозрачно-рациональны» для него самого (...), которое больше не нуждается в штабе или каких-то обособленных партиях. Не просто политическая революция, заканчивающаяся в парламентской многопартийной системе обычного государства, каким бы демократическим или либеральным оно ни было. Может ли политическая революция помочь создать социальную — отдельный вопрос.

Такое изменение невозможно осуществить при царящих сегодня условиях одним махом, повсюду, где оно начинается, его насильственно подавляют. Более того, у него будет вообще никакой перспективы, пока актуальные условия являются доминирующими. Оно мыслимо только в перспективе затяжного кризиса этих условий, который, однако, если можно сделать какие-то выводы из его течения до сих пор, может принять формы столетней революционной войны, только что начавшейся, и о которой пока нельзя сказать с уверенностью, что она после себя оставит.

дело, в значительной степени устарела. Не будем создавать себе на этот счёт иллюзий: действительная победа восстания над войсками в уличной борьбе, то есть такая победа, какая бывает в битве между двумя армиями, составляет величайшую редкость. (...) Итак, даже в классические времена уличных боёв баррикада оказывала больше моральное воздействие, чем материальное. Она была средством поколебать стойкость войск. Если ей удавалось продержаться до тех пор, пока эта цель бывала достигнута, — победа была одержана; если не удавалось, — борьба кончалась поражением. (...) Но с тех пор произошло много ещё и других изменений, и всё в пользу войск». (Ф. Энгельс, Введение к «Классовая борьба во Франции» К. Маркса, 1895)

В некотором смысле иронично, что это «восстание старого типа» большей частью черпало свою энергию из воспоминаний о первой Французской революции; не столько воспоминаний о штурме Бастилии, но о торжественно называемых «*Journées*» отдельных парижских бунтов, в ходе которых радикализовалась революция — штурм Тюильри 10-го августа 1792 года, восстание 31-мая 1793 года против жирондистов. Эти и тому подобные акции послужили с тех пор Баунаротти и бланкистам примером для их планов, и эти планы периодически терпели жесточайшие поражения, если отсутствовали их предпосылки. А к этим предпосылкам относятся и планировка, и управление, и использование такими людьми как тогдашний министр правосудия Дантон, т.е. они могут быть успешными только в качестве насильственных методов интриги внутри государственного аппарата, как тайные государственные дела, т.е. путчи в широком смысле этого слова.

Июньское восстание 1884-го года показало, чем такие акции заканчиваются посреди революции, если они в тайне не пользовались поддержкой какой-либо части государственного аппарата. И со времён восстания Коммуны

в 1871-м было ясно, что армия даже тогда не теряет своей «стойкости», если ей приходится сравнять с землёй добрую часть столицы. И даже те революции, которые являются масштабными, мирными и популярными у населения, когда солдатам в дула ружей суют цветы — такие революции либо не заходят далеко, ограничиваются свержением особо неспособного начальства, либо раскалываются в своём дальнейшем ходе вплоть до гражданской войны.

Во Франции 1968-го и в Египте 2011-го года большинство осталось на стороне правительства. Там же, как в Иране в 1979-м, от правительства откалывает правое крыло, первый акт революции — свержение правительства — становится проще, но по этой же причине все последующие акты — тем более катастрофичней. Ведь эта борьба происходит даже не между «классами», ибо классы не имеют каких-то раз и навсегда установленных интересов, их сначала нужно найти, причём в отношении к другим классам. Поэтому, если это ещё можно так описать, в каждом классе друг другу необходимо противостоят различные фракции; т.к. существуют самые разнообразные отношения между классами, но никакого критерия, чтобы оценить их объективную правильность.

Это именно та ситуация, которая позволяет некоторым дореволюционным партиям действовать в постоянно изменяющейся обстановке, вместо того, чтобы, например, просто распасться; причём именно тем, которые максимально далеки от реального движения. Их положение и деятельность не отличается от всех прочих дореволюционных сил. Все они стремятся к тому, чтобы прервать революционный процесс в выгодный для них момент; этот процесс является для них лишь средством для достижения уже установленной цели. Среди марксистов обычно принято подчинять революцию этой цели и чётко различать между буржуазной, пролетарской и т.д. революциями. Но

зтитивную цель. (...) Иными словами, война, в которой мы хотели бы использовать свои победы исключительно в целях отражения нападения, не нанося ответных ударов, в такой же мере была бы противна здравому смыслу, как и сражение, в котором во всех мероприятиях господствовала бы абсолютная оборона (пассивность)».

Нападающий должен после кульминационного момента переключиться преимущественно на оборону, защищающийся же — к нападению. Но что если он, соответственно своей конституции, не в состоянии сделать это? Т.е. если он не может или не хочет выйти из состояния защиты? Тогда другие воспользуются незадействованным преимуществом; причём именно те организации, которые способны к единому управлению.

Таким образом, и так утверждает и сам Клаузевиц, вполне возможно вести чисто оборонительную войну и даже довести её до кульминационного момента победы. Стратегического шанса для революции при этом не возникает, даже наоборот. Она рискует выпестовать себе нового врага, который отнимет у неё тяжело завоёванную победу, получит над ней власть — и это от её же имени. В принципе, большевики пришли к власти в гражданской войне именно таким способом.

7.

Ход революции и её поражение, кажется, predeterminedены до скончания времён и улучшения не предвидится, если только каким-либо образом не обозначится средство для решения проблемы координации в обществе. Помимо того революционное сообщество не может опустить вооружённое насилие вне учреждений самого сообщества. Ни одна партия, ни какая организация, кроме революционного сообщества не имеет права на насилие. Насилие и в самом деле является злом и приносит оно не победу, а поражение. Революционное сообщество именно поэто-

подобную же поддержку, и всякий из них без промедления продал бы за это последние остатки своей национальной независимости.

6.

Но самым странным является то, что революция, тем не менее, выходит из первой фазы, когда войска всё более откалываются от режима, не более сильной, но изуродованной до неузнаваемости. Самые крупные исламистские объединения возникают именно в это время; они, а не локальные советы, определяют дальнейший ход событий.

Всякое нападение, говорит Клаузевиц, имеет свой кульминационный момент. Силы нападающего ослабевают в ходе военной кампании быстрее, чем у защищающегося; в этом и заключается весь смысл его (Клаузевица) определения обороны как более сильной формы войны. Нападение предпринимается только тогда, когда у нападающего достаточно сил, чтобы уравновесить недостаток своей позиции.

«...ибо, точно так же, как оборона не состоит исключительно из оборонительных элементов, и наступление не состоит исключительно из элементов активных, более того, каждое наступление, которое не ведёт непосредственно к миру, должно заканчиваться обороной. Но раз все элементы обороны, встречающиеся в наступлении, ослабляются самой природой этого наступления, то это явление следует рассматривать как общий дефект последнего».

Наступает тот момент, когда изначальное преимущество нападающего заканчивается — т.е. Момент кульминации. «Раз оборона — более сильная форма ведения войны, но преследующая негативную цель, то из этого следует само собой, что ею должно пользоваться лишь в течение того промежутка времени, пока в ней нуждаются вследствие своей слабости, и от неё надо отказаться, как только налицо будет достаточная сила, чтобы поставить себе по-

цель самой революции не может определить никто; как таковая она, рвано как само общество, никакой целью не обладает.

3.

Гражданская война в этих условиях — это могила революции, но нет простого способа предотвратить тот факт, что гражданская война вызывается революцией. Рассмотрим в этом аспекте жуткий пример такой неудачи: Сирийскую революцию с 2011-го года.

Первые демонстрации были достаточно большими и широкими, чтобы можно было подумать, что тут мы имеем дело с революцией по типу так называемых мирных революций. И это их качество, как казалось, не изменилось и тогда, когда против них были брошены армейские части. Армия, состоящая по большей части из служащих-срочников, сделала то, что, например, Энгельс ожидал бы от такой армии, и тут же перешла на сторону народа и разбежалась.

Но режим позаботился о такой возможности ещё в 1982-м году, он создал специальные подразделения, укомплектованные представителями религиозных меньшинств, которые режиму удавалось держать в постоянном страхе перед суннитским большинством. Это ядро армии осталось дееспособным, а прочие оставшиеся части можно было удержать и перегруппировать вокруг ядра. Но режим сделал нечто, что, якобы, никто в подобной ситуации ещё не делал. Он начал обстреливать при помощи этих рабочие кварталы, которые были, конечно, преимущественно суннитскими. Преследуя контрреволюционные цели, он радикализировал революцию.

В тот момент какая-либо другая политическая сила не была способна к военным действиям; ни «революция», кто бы ею ни являлся, ни какие-либо партии, тем более исламистские какого угодно направления. Конфликт ещё даже

не начался. К этому времени революционные комитеты, которые возникнут позже во многих местах, ещё не были основаны – те местные органы общества в состоянии революции, о существовании которых наша буржуазная общественность, и её аппендикс — так называемые левые, до сих пор ничего не слышали.

Солдаты, дезертировавшие из армии, начали под впечатлением от происходящих невероятных событий перереорганизовываться — собственно, в локальные силы обороны. С тех пор начинается то, что принято называть милитаризацией революции. Но динамика, которую принял этот процесс, возникла, в общем-то, за счёт того, что революция, в определённом смысле, не позволила себя милитаризовать, да и не может милитаризоваться.

Часто задавался вопрос, что помешало локальным органам революции объединиться в целях эффективной координации. Зачастую даётся ответ, мол, что для этого хватило вмешательства дореволюционных партий в изгнании, так называемого Национального конгресса и т.п. В таком случае, не совсем понятно, как это дисфункциональное собрание политиканов смогло справиться с этой ролью.

Локальные комитеты не смогли разрешить проблему единства, т.к. они не могли разрешить проблему военного насилия. Вооружённые силы не были организованы, обеспечены и управляемы локальными комитетами; может быть, для этого не хватало средств, или, может быть, именно страх милитаризации был решающим — нельзя сказать в уверенностью. Вооружённые силы, таким образом, никому на самом деле не отчитывались. И именно в среде этих формирований различные партии смогли приобрести военную форму и силу; спустя некоторое время это были в основном исламистские силы, чей вектор по отношению к революции локальных комитетов находится в наивозможно большем противоречии. Но динамика была

ной, необходимо предположить или такое пространство оккупированной территории, которое в Европе можно найти только в России, или такое несоответствие размеров вторгшейся армии с размером площади страны, какого в действительности не бывает. Если не гоняться за призраками, то необходимо мыслить народную войну в соединении с войной, которую ведёт постоянная армия, и обе эти войны сложенными в одно целое одним охватывающим их планом».

Но нет и этого всеохватывающего плана. Либо речь идёт о ситуации, где общество в состоянии революции только должно начать решать проблему координации. И наоборот — существует такое определённое преимущество, что диспропорция между армией и страной оказывается в действительности больше, чем в обычной войне.

«Согласно нашему представлению о народной войне, она Должна сохранять свое облачное, туманное существование и никогда не должна сгущаться в действия компактных отрядов, иначе неприятель направит против них соответственные силы, уничтожит их и захватит много пленных. Тогда явится упадок духа; все будут полагать, что дело окончательно проиграно, что дальнейшие усилия напрасны, и оружие выпадет из рук народа. Но с другой стороны необходимо, чтобы этот туман стягивался густыми массами к известным пунктам, образуя грозные тучи, из которых могла бы блеснуть сокрушающая молния».

Может ли этот аморфный метод ведения войны как раз соответствовать целям революционного общества? В первую фазу сирийской войны мы видели, что режим действительно потерял контроль над большей частью страны. Но затем при поддержке России и Ирана он смог снова вернуть себе один за другим почти все крупные города посредством окружения, обстрела и обречения на голод. Всякий режим мира нашёл бы при подобных обстоятельствах

сать такую войну как сирийская? Начнём с того, что мы спросим, какая из сторон представляет собой нападение. В политическом и военном смысле — это сирийское правительство. Не оказывается ли революция, в таком случае, в более выгодной позиции обороны? Согласно Клаузевицу, эта мысль кажется логичной, и необходимо понимание этого преимущества, чтобы правильно им воспользоваться. Заметим, что это преимущество сначала является лишь гипотетическим, а его существование ещё должно быть доказано.

У Клаузевица есть глава о так называемой «народной войне», которую он рассматривает, в основном, как подчинённую регулярной армии. Присутствие нерегулярных войск на захваченной врагом территории должно связывать силы захватнической армии, не ввязываясь при этом в решающие сражения. «Оно (воздействие народной войны) разрушает, как медленно тлеющий огонь, основные устои неприятельской армии. Так как результаты народной войны могут сказаться только по истечении некоторого времени, то в период, когда оба элемента так воздействуют друг на друга, возникает состояние напряжения, которое или постепенно разрешается, если народная война подавляется в отдельных местах, а в других сама мало-помалу угасает, или же ведёт к кризису, когда пламя этого всеобщего пожара охватывает армию со всех сторон и вынуждает ее очистить страну, чтобы не погибнуть полностью».

Но в нашем случае нападающая сторона является не внешним захватчиком, а собственным режимом; у неё нет возможности отступления, целью её военных действий является как раз утверждение своей власти в стране. И наоборот, оппозиция не пользуется защитой регулярной армии, которая может нанести решающий удар. «Чтобы последнее решение было вызвано одной лишь народной вой-

едва ли иной и в курдских, друзских, и даже в христианских и алавитских местностях. За или против режима — власть повсюду попала в руки региональных вооружённых формирований, подчинявшихся той или иной партии, присоединившейся к РПК, ССНП или Хезболле.

4.

Но ведь совсем не исключено, что проблема военной силы сама по себе в революции неразрешима. В таком случае каждая революция имела бы, неизбежным образом, одну и ту же судьбу, пока её враг достаточно бессовестен и пока он может опираться на определённую часть общества. Ибо сирийский режим поначалу вообще не использовал военную силу, чтобы снова завоевать отпавшие от него города. Это было, как выяснилось, для поражения революции совсем не обязательно. Нужно было лишь сделать невозможной революционную координацию посредством нападения на ряд отдельных районов, причём для начала было достаточно обстрела и бомбардировки.

Этот вид нападения ставит революцию в безвыходное положение — либо признать свою беспомощность, когда она оставляет своих людей без защиты; либо ввязаться в борьбу, в которой она не может получить ведущую роль. Ибо решение защищать какую-либо местность неизбежно оставляет другую неприкрытой. Но организация, состоящая из местных комитетов, не может принимать стратегические решения такого рода, и если бы она начала их принимать, она распалась бы на части. Только политические субъекты, каковыми являются государства, могут принимать такие решения; организация, однажды начавшая решать, кому жить, а кому умирать, естественным образом превращается в такой субъект.

Режим сознательно спровоцировал революцию своей тактикой на то, чтобы либо полностью выпустить военную силу из своих рук, либо потерпеть крах в военном

вопросе изнутри и превратиться в то самое вооружённое, пожирающее людей чудовище, которым пропаганда режима обычно рисует революцию. Решение не ввязываться в борьбу не выводит из дилеммы; тогда в борьбу вступают другие — с тем же или ещё худшим исходом.

Или была мыслима ещё какая-то возможность? Рассмотрим революционную войну с военно-стратегической точки зрения. Понятия военной стратегии обычно не рассматриваются в связи с понятиями учения о государстве или общественной теории; но Карл фон Клаузевиц, первым попытавшийся придать им научную форму, во многих вопросах не оставляет сомнений в том, что они без этой взаимосвязи не могут быть систематически поняты.

Меня интересуют, в первую очередь, его понятия нападения и обороны. Оборона, как он пишет, является самой сильной формой ведения войны, т.к. имеет чисто негативную цель: не дать противнику достичь своей цели. Нападение же направлено на захват и является посему более слабой формой, т.е. ему противостоят все существующие условия, в то время для обороны как они оказывают подерживающее значение.

Эти понятия кажутся контринтуитивными и их много критиковали в современной военной науке (напр. Johann Schmid, *Die Dialektik von Angriff und Verteidigung*, 2011). Критика заключается, конечно, в том, чтобы привести примеры из военной истории, из которых не совсем понятно которая из сторон конфликта нападает, а которая — защищается. Определяется это не по внешним признакам, а, как говорит Клаузевиц, а по «цели», и цель эта является не чисто военной, а военно-политической.

Вообще Клаузевиц не предоставил нам самостоятельной военной теории, а только нераздельно военно-политическую, и он как раз утверждает, что другой существовать и не может, т.к. познание предполагает

единство своего предмета. «Это единство же является пониманием, что война есть только часть политической жизни, т.е. вовсе не является чем-то самостоятельным»; в кажущемся противоречии с этим утверждением пару строк ниже он утверждает, что война автономна по отношению к политике, может рассматриваться отдельно, собственно, «в своей абсолютной форме», в отдельности от любого политического контекста.

«Лишь в подобном представлении война снова приобретает единство, лишь так возможно рассматривать войны как вещи одного порядка». Это определение, как и кажущееся противоречивым определение выше, оказывается практически бесполезным, если мы не намерены рассматривать жизнь государств как подобие «огромного кладбища». Война не является чем-то внешним по отношению к государству, государство определяется в военном аспекте. Учение Клаузевица — это вклад в понимание того, каким образом действительно представляется опосредование между государством и обществом в Гегелевской «Философии права» (§§321-329): «Опосредование действительно существует, а не как примирение, но как смерть в беспрекословной обязанности убивать и жертвовать собой» (Иоахим Брун).

5.

Понятия Клаузевица возникли во время Французской революционной войны, в особенности его представление об «абсолютной войне»; она, являясь крайней и чистой формой, когда война подчиняет своей логике всю общественную жизнь, служит, по словам Клаузевица, формой войны присущей современному государству. Там, где государство больше не является делом князей, а политической формой «народа», это должно касаться и войны.

Но что происходит с его понятиями, если война больше не ведётся с обеих сторон государствами? Как можно опи-